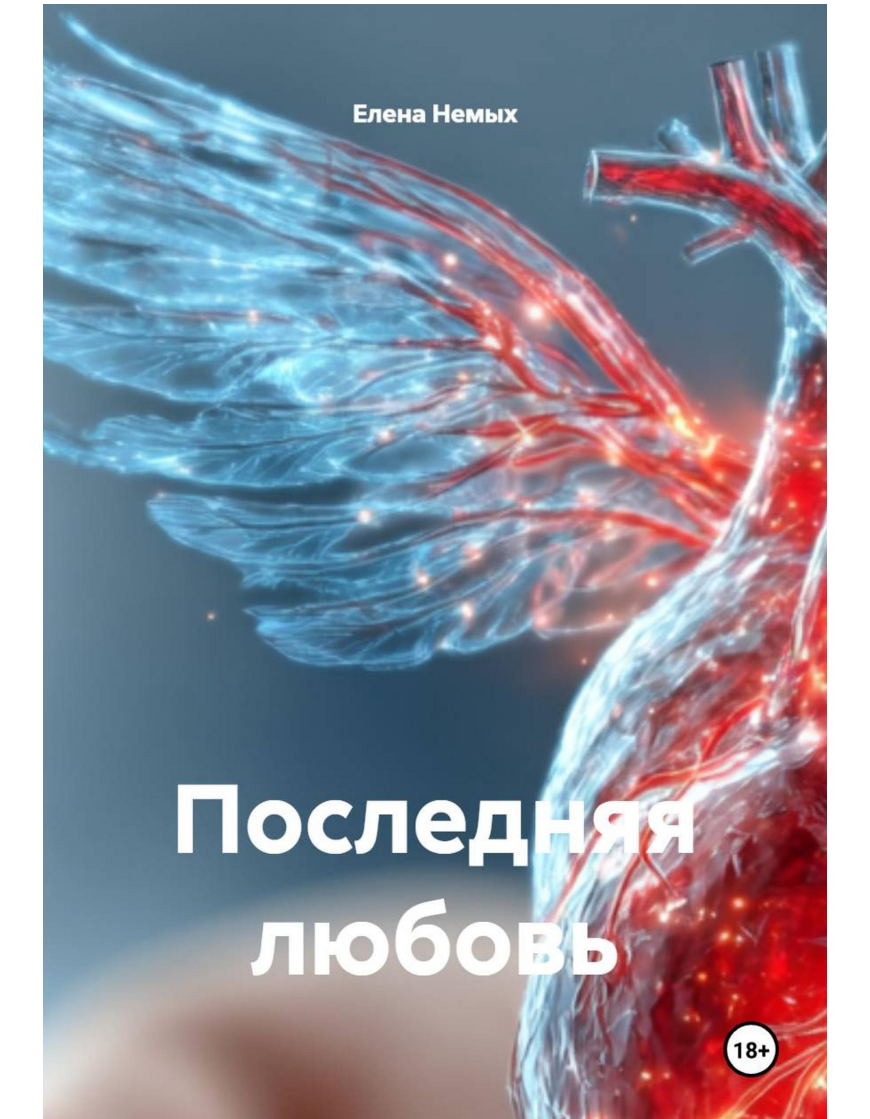

Елена Немых

Последняя любовь

18+

Елена Немых

Последняя любовь

<https://litres.ru/74061798>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что такое последняя любовь? Кто даст ответ?

И как мы поймем при встрече, что это чувство последнее в жизни? Ведь иногда нужно просто согреть свое сердце в чужих руках.

"Голос шепчет в голове, что любовь ушла навеки
и не бьется птенчик в клетке, запертый в моей груди,
крылья красные сложил, и во сне трепещут веки,

не поет, не дышит, спит, прочирикав: «уходи»

И опять стоит Ассоль в ожидании «Секрета»

И опять любовь стучит в дверь и не дает ответа

Чтобы посмотрев мой фильм, ты вздохнул опять украдкой,
нашу встречу отменив, в сердце дырку заменив заплаткой,

Залатав дыру в душе, ты зажмешь птенца руками,
застучит он клювом вновь, испугаемся мы сами!

И за тех, кто рядом есть, и за тех, кто будет дальше.

Ты напишешь на листке: «Милая, не надо фальши!»

Серия рассказов, объединенная темой последнего чувства в жизни героев, посвящена странам БРИКС.

Содержание

Глава 1. Антиквар.	4
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Елена Немых

Последняя любовь

Глава 1. Антиквар.

Когда вынесли торт с шестидестью свечами индийский ресторан замер. Кирилл Михайлович Самарин набрал воздуха в легкие и дунул. Свечки погасли. Посетители ресторана зааплодировали, а официанты в национальных костюмах и фесках на головах дружно запели на хинди: «Tum Jiyo Hazaron Saal», что означало: «Ты живи тысячи лет!» Самарин почувствовал себя почти счастливым и покосился на бронзовую фигурку Лакшми на столе. Он привез ее из индийской поездки, когда впервые поехал за границу. С тех пор бронзовые ручки индийской богини удачи и лотос у ее ног стали для него талисманом и действительно принесли благополучие в его нелегкую жизнь. В детстве Самарин жил в центре Москвы, на Арбате, в большой коммунальной квартире в одной комнате вместе с мамой. Что такое личное пространство, он не знал. Мама Любовь Ивановна Самарина работала в библиотеке и воспитывала его одна, без отца. Она все время вмешивалась в его жизнь, лишила детского сада, потому что считала сына болезненным. Позже она стала контроли-

ровать все, происходило в школе. Любовь Ивановна Самарина уходила на работу на полдня, а во вторую половину своей смены отработывала дома: она реставрировала книги. Запах книжного клея пропитал все пространство их комнатухи, но зато маленький Кирилл уже в детстве прикоснулся к артефактам и почувствовал их живую сущность. Книги дышали, вздыхали, шуршали листками, пытаясь ему что-то сказать.

— Скажите, а гости, когда подойдут? И резать ли торт сейчас? — официант прервал воспоминания Самарина о матери.

Ровно двадцать пустых стульев стояли у стола, именно на такое количество человек Кирилл Михайлович заказал стол в ресторане «Дели» на свой юбилей. Он откашлялся и твердо произнес:

— Вы знаете, каждый из них поздравил меня с днем рождения, но по определённой и уважительной причине не смог присутствовать лично.

Официант смотрел на него пристально и недоуменно.

— Но я думаю, мы продолжим у меня дома, и всю оставшуюся еду и алкоголь мне надо завернуть с собой. Вас как зовут, друг мой?

— Андрей.

Официант улыбнулся, клиент перестал казаться странным:

— Вы когда собираетесь домой?

— Да, прямо сейчас... Так вот, Андрей, упакуй мне все

поскорей!

Официант кивнул, ловко подхватил торт и потащил его обратно на кухню, откуда очень скоро выбежали его коллеги и стали дружно укладывать закуску в пластиковые боксы. Еще через пять минут Самарин садился с кучей пакетов в такси. Когда он открыл свой лофт на Арбате, наступили сумерки. В квартире - бывшей коммуналке, которую Кирилл Михайлович привёл в порядок, разливался серый свет. Он отражался от белых, шероховатых стен, множа тени. Впрочем вся квартира просто сияла чистотой, каждая вещь в ней стояла на своем месте, на них даже пыль не ложилась. А когда ложилась, то ее моментально ловила рука профессиональной уборщицы Анны. Она приходила через день. Лакшми тоже заняла свое почетное место на полочке у окна. Самарин считал себя аккуратистом, и уборщица, найденная им случайно по объявлению, которое он когда-то наклеил на двери своей античной лавки, знала его вкусы и всегда, протерев все многочисленные вещицы от пыли, ставила их точно на место, ни миллиметра вправо и ни миллиметра влево. Она убиралась и в его офисе, и дома. Кирилл Михайлович долго дрессировал приходящую прислугу, замеряя расстояние до точки, где стояли его антикварные вещи, линейкой. Аня поначалу дулась, краснела, но, видимо, отчаянно нуждалась в работе и не сбежала. С пылью Самарин боролся неслучайно. Когда он поступил в Институт культуры, на библиотечный факультет, Любовь Иванов-

на попала в больницу с саркомой лёгких и скончалась. Она много лет не обращала внимания на свой хронический кашель, и все время приговаривала: «В библиотеке так пыльно». Кирилл Самарин остался совсем один. Ему не хотелось бросать институт, и он стал подрабатывать. За что он только не брался! Грузил ящики и мешки на вокзале, потом засыпал на лекциях, иногда разносил газеты, рассовывал их по почтовым ящикам и снова засыпал. Денег отчаянно не хватало. Однажды Кирилл, обнаружив рядом с квартирой новую клинику, решил заглянуть в нее. Реклама на двери загадочно предлагала сдать биоматериалы, какие именно - он сразу не понял. Он зашел и туда, в надежде, что клинике требуются санитары. Как выяснилось, она оказывала услуги по искусственному оплодотворению, позже это назовут модным словом «ЭКО». Шёл 1987 год. Доктор Арам Аванесович Арутюнян провел провёл процедуру искусственного оплодотворения донорской спермой, вслед за первой в СССР и удачной операцией другого врача. Арутюнян решил открыть собственный медицинский кооператив, их только разрешили создавать. Искусственное оплодотворение обещало стать «золотой жилой», об этом он сообщил ошарашенному студенту, которому предложил сдать биоматериал для опытов. Когда до Кирилла дошло, о каком биоматериале говорил Арутюнян, было поздно. Но Арам Аванесович так убедительно рассказывал о будущих спасенных женщинах, отчаявшихся забеременеть, что он быстро подписал все бумаги, практиче-

ски не глядя на договор. Потом ему всучили журналы с порнографическими картинками и пробирку. Медсестры хихикали, провожая его в отдельный кабинет, а зашедший за ним Арутюнян, произнёс строгим голосом:

— Снимайте штаны, расслабьтесь и представьте, что вы в душе с голой девушкой. Всю сперму аккуратно соберёте в пробирку и сразу заткните пробкой.

— Вы серьёзно? Боюсь, у меня не получится... Я был уверен, что это что-то другое: лимфа там какая-нибудь, уколы, забор ее... Ну, как сдача крови. Но сперма?!

— Не тушуйтесь! Деньги предлагаю хорошие, и сразу из кассы. Думаю, ваша стипендия намного ниже, — посмотрев на часы, сказал он. — У вас всего час..

Сумму Арам Аванесович предлагал и вправду астрономическую. Кирилл мог прожить на нее, строго экономя, почти полгода. И он, покраснев, кивнул. Однако заработанный таким странным образом гонорар за сдачу собственного семени закончился быстро, вернее, через месяц. Он думал сходить еще раз, но от одной мысли повторить эксперимент со своим либидо, Кирилла бросало в дрожь, и он даже начал подумывать о продаже почки, начитавшись статей в распространяемой им среди подписчиков газете. Новые издания в большом количестве печатали страшные истории про трансплантацию и приличные суммы за почки и печень. Отчаяние охватило его.

В этот самый момент ему позвонил Исаакий Семенович.

Он числился читателем в библиотеке, где работала мама Кирилла, часто приходил туда, подолгу сидел в читальном зале, рассматривая старинные книжки в богатых переплетах. Даже Кирилл видел его там пару раз. Он пришел и на похороны Любови Ивановны, стоял рядом с гробом, выделяясь среди серых, простоватых коллег Самариной своим вальяжным, породистым лицом. Его звонок застал Кирилла врасплох, странный читатель библиотеки мамы спрашивал о книге индийского поэта Рабиндраната Тагора. Мать незадолго до смерти забрала ее чинить домой. Кирилл попросил его подождать и быстро нашел Тагора на обеденном столе. Книга так и лежала там, раскрытая рукой Любовь Ивановны и всеми забытая в суете. Кирилл Самарин с интересом заглянул в нее. Он гадал на книгам, открывая случайным образом на произвольной странице, в этот раз он искал ответ на вопрос: «что ждет его после встречи с маминым знакомым?» На желтом листке виднелись буквы, они складывались в слова, и Кирилл прочел: *«Друг мой, прощай! С берега к берегу, с отмели к отмели, ветер весенний, ночной, принесет тебе вздох от меня»*

Он поразился, мама умерла именно весной, и, очевидно, прощалась с ним столь странным образом. Именно она звала Кирилла «друг мой». Самарин подумал, что это — хороший знак, вернулся к Исаакию Семеновичу, остающемуся на линии, и пообещал принести ему нужную книгу. Потом он завернул ее в газету и отправился к нему в гости на Маросей-

ку. Он даже не успел позвонить в дверь, потому что небольшого роста худой Исаакий Семенович уже стоял в проеме двери своей квартиры, ожидая его. С минуту он рассматривал сына библиотекарши, потом махнул ему рукой, приглашая внутрь. Кирилл шагнул через порог и пропал, а когда очнулся, он уже прощался с Исаакием Семёновичем Бегельфором, именно такую фамилию назвал ему старый мамин знакомый. Из их общения Кирилл запомнил лишь, что он хотел купить у него библиотечную книгу. В самой библиотеке о ней вероятно забыли, и тут он и представился Бегельфором. «Коллекционер Бегельфор хочет приобрести Тагора», — сказал он. Исаакий Семёнович много лет собирал раритетные книги и коллекционировал антикварные вещи. Рассматривая книги и вещи в его квартире, Кирилл совсем потерялся во времени и готов был не продать, а просто отдать книгу индийского поэта, только бы приходить сюда вновь и вновь, вдыхать странный запах старых вещей, трогать их, разглядывать. Как позже признался ему коллекционер Бегельфор, его вещи приняли гостя, полюбили и стали проситься к нему в руки. Привычку разговаривать с вещами Самарин перенял у Исаакия Семеновича. Тот говорил с каждой вещицей на разные темы: с мраморными слониками о погоде, с фарфоровой лыжницей с курносым лицом о телевизионных передачах, с бронзовым сундучком о здоровье. Лишь с книгами Исаакий Семенович не говорил, он их скорее слушал, а они тихо шуршали ему, каждая о своем.

Самарин вздохнул. Он положил всю еду из ресторана «Дели» в холодильник, бутылки с вином поставил на подоконник в подставку и лег в свою кровать прямо в одежде. Он прислушивался к себе. Лакшми светила бронзовым ликом у окна, и он решил поговорить с ней серьёзно:

— Ну что? Ты считаешь, было ошибкой закатывать пир на весь мир для двадцати человек, которых нет и, вероятно, уже не будет?

Лакшми смотрела вдаль и молчала.

— А ты что подумала? Что я от тебя что-то скрыл? Утаил друзей и любимых. Эх... Ты же знаешь меня дольше всех... И должна знать, если что-то случится, ты останешься совсем одна... Я про времена, когда меня не будет...

Идея отпраздновать юбилей, эти треклятые шестьдесят лет, пришла к нему всего месяц назад. Кирилл Михайлович терпеть не мог справлять дни рождения, никогда их не праздновал, даже в детстве. Он всегда рос замкнутым ребёнком и категорически отказывался знакомиться ближе и с малышами из детского сада, куда его мать все-таки засунула перед школой, и с одноклассниками, а потом и с однокурсниками. У него не было с ними никаких общих интересов. Ну, то есть абсолютно. Он приходил домой, нырял в книги и забывал обо всех. Когда врач в поликлинике месяц назад озвучил диагноз, изучив его анализы и проведя обследование пациента на каких-то космических установках, Самарин вздрогнул. Ему, как и матери, объявили страшный при-

говор: у него неоперабельная саркома лёгких. Врач озвучил неблагоприятный вариант развития событий и честно объявил: жить Самарину недолго. А потом спросил: «Как Вы довели все до такой стадии?»

Самарин вздрогнул от звонка в дверь. И как же он забыл? Врач назначил ему уколы от повышенного давления и для снижения риска инфаркта, оказывается метастазы могли уколоть и в сердце. Тогда Кирилл Михайлович нанял медсестру Люду для проведения процедур. Она работала с врачом Самарина в поликлинике, и тот сквозь пальцы смотрел на подработки персонала. Кирилл Михайлович открыл дверь, Людочка вошла, молча распаковала свою медицинскую сумку с множеством ампул и привычным жестом набрала лекарство в шприц. Самарин вздохнул:

— Подождите здесь, я переоденусь в домашнее (извиняющимся тоном). У меня сегодня праздник. Мне — 60 лет. Стукнуло.

— Поздравляю, — без улыбки сказала Люда и застыла со шприцем в руках.

Когда Самарин вышел к ней в синей атласной пижаме, она чуть покраснела, потом ловко задрала ему рукав и воткнула иглу. Так же тихо, как появилась, она исчезла. После инъекции ему захотелось сразу спать, и он опять лег в постель, кивнув Лакшми и выключив свет. Когда он закрыл глаза, ему почему-то опять вспомнился Исаакий Семенович. На практику Кирилл, все еще студент библиотечного факульте-

та «Кулька», так называли Институт культуры между собой «отпрыски науки», устроился в мамину библиотеку. Книгу Рабиндраната Тагора никто не спрашивал, и он стал медленно воровать старые книги для коллекционера Бегельфора. Исаакий Семенович платил хорошо и исправно, и вообще отнесся к нему, как к сыну. Кирилл приходил к нему и просто бродил по квартире с антиквариатом, чувствуя себя неприлично счастливым. Именно тогда он осознал, что любит вещи больше людей. Вещи молчали, оставались преданными до конца и всегда отдавали больше, чем забирали. Самарин понял это, когда сумел заинтересовать коллекционера своим советским значком. Эмблему Олимпиады с «Мишкой» он купил в киоске в Лужниках за 10 копеек во время праздника спорта. Он принес его Бегельфору спустя почти 10 лет после Олимпиады-80, тот долго рассматривал его через лупу и купил за 300 рэ. Курс рубля в связи с деноминацией денег сильно изменился, и Кирилл заработал на значке значительную сумму. Так он понял цену старых вещей, и что такое быть антикваром. Он научился цепким глазом вычислять винтажные вещи, быстро определять их цену и стал даже вкладывать в них заработанные деньги. Однажды Исаакий Семенович показал ему газету «Коммерсант», новый рупор нарождающихся в бывшем «совке» бизнесменов. Там опубликовали статью о создании собственных предприятий, так называемых ТОО и ООО. Бегельфор, кивнув на тонкий лист с передовицей, сообщил Кириллу о своем жела-

нии открыть собственную антикварную лавку. Кирилл Самарина он пригласил в продавцы. Обучение в институте шло к концу, и Самарин быстро согласился. Он не помнил, как защитил диплом, не помнил, как утряс свое фиктивное пребывание в библиотеке на окраине Москвы, куда его распределили. Он помнил лишь первый день в лавке Бегельфора на Арбате, своего первого клиента, первую зарплату и поездку в Индию. Исаакий Семенович премировал его путешествием за границу. Побывав в Дели, Кирилл понял, что влюблен в индийскую культуру и особенно в старинные вещи, которые он нашел в огромном количестве на местных блошиных рынках. Бывший студент библиотечного факультета долго скупал всякие индийские безделушки, а потом у какого-то старьевщика нашёл ту самую книгу с русским переводом Рабиндраната Тагора. Он посчитал это знаком свыше, посетил местный буддийский храм, и, увидев бронзовую фигурку Лакшми, влюбился в нее с первого взгляда. С тех пор он с ней не расставался, поверяя ей все свои личные тайны. Довезя книгу до маминой библиотеки, он обманным путем выкрал из стола печать, проштамповал Тагора, наклеил формуляр, проставив старую дату, а потом торжественно сообщил работникам, что случайно нашел книгу индийского поэта дома. Библиотекарьша, занявшая место Любви Ивановна долго охала, рылась в архивах, а потом действительно нашла запись о книге, взятой умершей коллегой. Самарин ничего не сказал Исаакию Семёновичу об секретной опера-

ции по восстановлению доброго имени мамы путем довоза Тагора до Москвы, зато порадовал его коллекцией из Индии. Вещицы оттуда принесли им удачу, их мгновенно раскупили, а может быть, сама Лакшми простёрла над ним и Бегельфором свои руки, принеся благосостояние в их антикварную лавку? Магазинчик на Арбате с названием «Антиквар» процветал, принося солидный доход. Единственная неприятность — через год после его заграничной поездки Исаакий Семенович Бегельфор скончался от инфаркта. На его похоронах тоже народа не наблюдалось, пришли друзья-коллекционеры, кто-то из института истории, где он, оказывается, когда-то преподавал. Детей у него не было, жен тем более, поминки в его квартире на Маросейке организовал сам Самарин. Когда гости разошлись, Кирилл нашел на книжной полке все те книги, которые он когда-то крал для Бегельфора из библиотеки своей мамы, в том числе Тагора. Он вздохнул: странный поступок коллекционера, которому вовсе не были нужны библиотечные книги, он просто снабжал бедного студента деньгами! Это тронуло Самарина до глубины души. Он взял снова книгу со стихами индийского поэта в руки, открыл ее на первой попавшейся странице и загадал про свою будущую жизнь. На открытой странице он нашел слова: *«Трава ищет на земле толпы себе подобных; дерево ищет на небе свое одиночество»*. Кирилл Самарин понял, что будет одинок, но богат. Щедрое завещание Бегельфора отчасти примирило его с действительностью: ему отошла и

квартира коллекционера со всеми его вещами, и антикварная лавка, открытая Исаакием Семеновичем на Арбате. Кирилл вернул себе всю свою старую квартиру в коммуналке, откуда его лет пять назад выселила какая-то коммерческая компания, и ему пришлось снимать комнату для жилья. Он навел справки и вдруг узнал, что они выставили ее на продажу. Квартиры Бегельфора с лихвой хватило на ее покупку и ремонт. Кирилл Михайлович перестроил ее под лофт, и теперь до работы в лавку «Антиквар» идти надо было всего 10 минут. Самарин проснулся от настойчиво звучащего будильника. Просыпался он быстро и собирался тоже, и уже через полчаса он открывал стеклянную, тугую дверь антикварной лавки. Лаками он всегда брал с собой. И первое, что он сделал, - поставил статуэтку на подоконник окна и приготовился ждать покупателей. Обычно любители старинных вещей заглядывали ближе к вечеру, но утром и днем забегали и туристы с Арбата. Вот и в этот день он принял за туристку женщину по ту сторону стекла витрины антикварной лавки. Самарин не сразу обратил на нее внимание, но она задержалась у столика с книгами, и он невольно стал ее рассматривать. На голове ее синел платок, на плечах крепко сидел серый плащ. Для лета она была странно и тепло одета. Кирилл Михайлович мгновенно оценил ее одежду, скалькулировал цену и хотел уже заняться текущими делами: женщина в нелепом платке — явно не покупательница. Однако она взяла в руки книгу, выставленную на продажу, и стала ее

листать. Самарин вздохнул и вышел к ней. Книги, когда-то украденные им из библиотеки Любви Ивановны, позже с полки Исаакия Семеновича переехали обратно на библиотечные. Он закрыл эти позорные страницы своей жизни, а вот мамину домашнюю библиотеку Самарин в итоге выставил на продажу. Незнакомка листала книгу малоизвестного советского писателя Голявкина «Мой добрый папа». Цену Кирилл Михайлович поставил маленькую, книга, по сути, не имела никакой ценности, и легко могла быть куплена любым прохожим Арбата, даже этой скромной женщиной.

— Вы хотели купить эту книгу? — спросил он прямо.

— Думаю. Это моя любимая книга детства, мне ее читала перед сном мама, а потом в юности я прочла ее сама.

— Как вас величать, друг мой? — вдруг назвал ее «другом» Самарин, и сразу вспомнил свою мать.

— Светлана. Я — из Авдеевки, приехала со съёмочной группой, которая меня спасла из-под завалов. Вся наша библиотека оказалась под руинами, в том числе и эта. Вот только вышла из больницы.

У Светланы был чудовищный малороссийский акцент, и она явно была приезжей.

— Сочувствую... Может, вам она не по карману? Заходите на следующей неделе, я сделаю скидку.

Светлана вздохнула, а потом вдруг быстро сняла с себя золотые сережки и кольцо с фианитом. Она протянула все это Самарину и жалостливо спросила:

— А золотом вы интересуетесь?! Этот комплект — старинный, мамин. Мне нужны деньги, и я бы продала это...

— У меня не скупка, а антикварная лавка.

Но Света продолжала заглядывать ему в глаза, Самарин вздохнул, забрал у нее побрякушки и пошел внутрь. Странная женщина в синем платке двинулась за ним, прихватив и книгу о добром отце. Пробу он рассмотрел, серьги действительно золотые, а вот камушек подкачал. Он оказался совсем простеньким и искусственным. Но что же делать с этой несчастной из Авдеевки? Новости Кирилл Михайлович смотрел регулярно, и что такое Авдеевка, отлично представлял. Он вынул деньги из кассы, отсчитал столько, сколько счел возможным и протянул их Свете. Она покраснела:

— Спасибо вам. Я — вообще-то учительница русского языка и литературы, и действительно хочу купить эту книгу. Я про писателя Виктора Голявкина. Если хотите, вычтите цену из этой суммы.

Самарин поморщился:

— Не надо! Берите так, я ее вам дарю!

Света кивнула и ретировалась, прижимая к груди книгу. Чем-то она напомнила ему Ниночку. Она в его жизни появилась ровно после смерти Исаакия Семеновича, и когда Кирилл Михайлович почувствовал себя полноправным хозяином лавки. Она также запорхнула в магазин, тоже долго рассматривала вещи, раздражая Самарина своим дешевым плащом и безвкусным шейным платком. Когда он намекнул ей,

что собирается на обед, Ниночка вытащила из кармана пепельницу и протянула ее Кириллу. Вещь оказалась серебряной, 30-х годов XX века, с советской атрибутикой. Ниночка просила дать ей хоть сколько-нибудь денег за нее, но Самарин не мог себе позволить такую роскошь, вещь могла оказаться краденой. Но девица так заламывала руки, что он сжалился, подписал с ней договор комиссии, выставив вещь на реализацию. Пепельница не продавалась месяц. Ниночка регулярно заходила, и они познакомились ближе. Она училась в мединституте, жила в общежитии, приехав из Харькова и отчаянно нуждалась в деньгах. Самарин не помнил, продалась ли пепельница до ее демарша в его кровать, или после, но факт остался фактом: она заползла в его интимную жизнь, и даже в душу. А потом весь быт холостяка взяла в свои руки: занималась уборкой в квартире и в офисе. Причем в отличие от нынешней уборщицы Анны она передвигала вещи с места на место, чем страшно злила Самарина. Однажды Ниночка уронила Лакшми. Это стало последней каплей, и Кирилл Михайлович ее выгнал. Ниночка явилась к нему через три месяца, заявила, что беременна, и потребовала денег на будущие роды. Самарин выдал ей «котлету», и она исчезла из его жизни еще на полгода. Но потом снова появилась на этот раз с младенцем в коляске. Наглая харьковчанка стала просить денег на содержание их общего сына. Как Самарина осенило сделать ДНК-тест, он не помнил, эта процедура только стала входить в моду. И он, прове-

для исследования своей крови, еще раз с позором выгнал Ниночку вместе с отпрыском. Это был вовсе не его ребенок, он так заставил и ее сделать ДНК — тест своему псевдо-сыну. Результаты тестов категорически не совпали. Ниночка напоследок осыпала его проклятиями, но Самарин вызвал полицию, и больше она ему не досаждала.

В лавке зазвонил колокольчик и вошел курьер с тортом. Самарин смотрел на него удивленно:

— Юбилей был вчера.

— А торт заказан на сегодня.

— Кем?

Курьер посмотрел в смартфон:

— Вами.

— Может, я забыл? Как вас звать, друг мой?

— Антон.

Черноглазый Антон смотрел на него пристально. Кирилл Михайлович обратил внимание, что последнее время его все разглядывают. Может быть, у него лицо изменилось из-за болезни?

— Антон, я не помню, чтобы заказывал торт, но отменять его не буду!

— Оплата на месте, при получении. С вас — 1000.

Кирилл Михайлович открыл кассу и достал деньги:

— Держите!

Курьер забрал деньги, кивнул и вышел, прозвонив еще раз колокольчиком. Самарин открыл торт. На нем кремом выве-

ли цифру: 60. Да, это — его цифра, и как он забыл об этом торте? Видимо? метастазы добрались и до мозга. Он пошел на кухню внутри офиса, нашел нож, тарелку, чайную ложку и отрезал себе кусок. По сути? он напоминал «наполеон», и лишь щедро разлитый сверху заварной крем путал едока. Самарин вздохнул. Лакшми молча смотрела, как он поедает торт, он протянул и ей кусочек:

— Хочешь? А... Молчишь... Значит, не хочешь.

Вечером он закрыл привычно лавку и пошел домой. С недавнего времени он стал прихрамывать, поэтому опирался на трость, которую прихватил из магазина. Кирилл Михайлович чувствовал, как болезнь разрастается в нем, набухая черным комом. Когда он дошел до подъезда, он заглянул в почтовый ящик, ожидая увидеть там счет за ЖКХ. Но помимо квитанции по оплате коммунальных услуг, в щели виднелось письмо. От кого же? Неужели опять от Ниночки? Предчувствуя нехорошее, Самарин достал его и рассмотрел адрес: Санкт-Петербург, Родчельская, 10, кв. 25. И незнакомое имя: Прохор Лялин. Открыв послание дома, Самарин прочитал его и письмо выпало из его рук. Оно казалось розыгрышем. На листке убористым почерком Прохор Лялин из Санкт-Петербурга сообщал: «ему недавно исполнилось 18 лет, и он задал своей матери прямой вопрос: кто его отец?» Мать, оказывается, долго хранила эту тайну, а потом призналась, что воспользовалась искусственным оплодотворением. До этого в их семье культивировался образ лётчика,

погибшего на испытаниях нового самолета. Даже фото стояло на комодке дома. Выяснялось, что все фото заимствованы у родственницы, а отец Прохора неизвестен. Друзья, видя его удрученное состояние, посоветовали ему сайт поиска родственников по ДНК. Он сдал тест и нашел профиль Кирилла Михайловича Самарина, совпадение с которым составило почти 99,9%. Система предположила, что он — его отец. Прохор подрабатывал в мобильных сетях и каким-то чудом нашел телефон Самарина из Москвы и его домашний адрес. Лялин просил подтвердить сдачу биоматериала Кириллом Михайловичем, рассказать случалось ли подобное в жизни адресата, а также просил встречу с биологическим отцом. Метастазы сильно кольнули Самарина в сердце, оно заныло. А может быть его просто добило это письмо? Кирилл Михайлович открыл аптечку, достал валидол, рассосал таблетку. На другой день он пошел на работу, думая только о том, что написал ему 18-летний юноша из Санкт-Петербурга. К вечеру он был почти уверен, что это — ошибка. Он сдавал сперму в клинике Арутюняна много раньше. Если бы он действительно родил Прохора 18 лет назад, он бы его усыновил, они с Исаакием Семеновичем уже раскрутились и отлично зарабатывали. Все таки, это — розыгрыш какой-то! Но на следующий день пришло еще письмо, потом еще два, потом целых три. Всего - 19. Писали те, кто связался с Прохором Лялиным через чат. Самарин узнал, что они все — братья и сестры, и что биологический отец у них у всех один:

Самарин Кирилл Михайлович.

Чтобы понять, что же все-таки происходит, Самарин решил найти клинику искусственного оплодотворения, которая теперь называлась модным словом ЭКО: экстракорпоральное оплодотворение. Она никуда не переезжала, была также рядом с домом. Дела Арутюняна Арама Аванесевича, судя по недавно отремонтированному зданию, шли неплохо. Клиника ЭКО процветала. Девушка на стойке регистрации посмотрела на него удивленно:

— Вы — донор? У нас контингент для сдачи биоматериала — до 35 лет.

Она явно не хотела произносить вслух слово «сперма».

— Нет, я по личному вопросу к доктору Арутюняну.

Табличка Арама Аванесевича Арутюняна блестела медью, но дверь его кабинета была плотно закрыта.

— Я когда-то стал донором. Еще в студенчестве. Вот хотел кое-что прояснить?!

— Вы сдавали в 90-х?

Девушка смотрела на него с интересом.

— В 87-м, если мне не изменяет память. Нуждался, жил на стипендию, грузил мешки на вокзале.

Девушка оглядела его дорогой костюм, ее взгляд задержался на массивной серебряной печатке с опалом на правой руке, на трости с бронзовым набалдашником. Вид Самарина ее успокоил, и она встала со своего места, постучалась в дверь и заглянула внутрь кабинета доктора:

— Примите? К вам — посетитель...

Голос из глубины кабинета казался глухим, но раскатистым:

— Приглашайте!

Кирилл Михайлович поднялся с дорогого кожаного дивана, вошел к Арутюняну и сразу обратил внимание на огромный пластиковый плакат на стене. На нем выпукло отсвечивал живот беременной женщины в разрезе, ее половые органы, яичники: в них вонзался наполненный сперматозоидами микрохирургический шприц-манипулятор. Рядом виднелась прозрачная, серая фигура донора с обнаженными семявыносящими протоками. «Действительно, мужчина — лишь тень в жизни женщины», — подумалось Самарину. Арутюнян строго спросил:

— Вы хотели проконсультироваться по поводу вашей супруги? ЭКО мы делаем, но большая запись на год вперед, увы. Так что лучше пойти в другую клинику, если вам срочно.

— Нет. У меня нет супруги.

Кирилл Михайлович загнездилился на массивном стуле с кожаным сидением, оперся на палку двумя руками и, чуть вздохнув, продолжил:

— Вы меня не помните? Я был первым счастливым, расставшимся со своим волшебным биоматериалом. Меня зовут Кирилл Самарин - Кирилл Михайлович.

Лицо Арама Аванесовича мгновенно преобразилось. Он

явно обрадовался посетителю:

- А! Как же, как же... Припоминаю. Вы были студентом библиотечного факультета Института культуры, последний курс, насколько я помню. Мы с вами еще индийского поэта Рабиндраната Тагора обсуждали.

Память доктора не подвела. Он вскочил, достал синюю папку из стоящего рядом шкафа, на которой виднелись золотые буквы: «Диссертация»:

— Ваш случай я описал в своей диссертации. Вы знаете, что вы стали отцом почти 20 детей? Я думал вам будет интересно, что вы зайдете и поинтересуетесь! Вы же стали моим первым донором, по сути, но вы пропали... (он невольно посмотрел на календарь на стене) почти на 30 лет!

— На 38! Я, если честно, забыл про это, увлекся антиквариатом, у меня началась другая жизнь. Но совсем недавно мне об этой позорной странице моей биографии напомнили.

Арутюнян нахмурился, видимо, слова Самарина задели его за живое:

— Почему позорная? Вы своими сперматозоидами спасли почти 20 женщин. Они родили от вас и успешно воспитывают детей.

Кирилл Михайлович почувствовал, как у него холодеют пальцы:

— 20? Скажите точнее, а то у меня скоро сердце разорвется от такого наплыва новых родственников.

— 20. 25 подсадок, 20 — успешных родов. А вы что про-

тив? Против новой жизни?

Самарин побледнел:

— Даже 25 подсадок? Подсадки — это введение спермы донора в яйцеклетку? И 20 - успешных родов! Почему же писем 19...

- Каких писем?

Самарин промолчал:

- Подсадки - это...

Он махнул на плакат. Арутюнян вскочил, схватил указку и привычно забубнил:

— Сперматозоид донора через специальный микрохирургический инструмент, похожий на шприц, внедряется в яйцеклетку будущей матери...

Он хотел продолжить лекцию, но Кирилл Михайлович резко встал:

— Но почему моему сыну, который написал мне письмо с просьбой о встрече, всего 18? Это — какая-то профанация, ведь я участвовал в вашем эксперименте ровно 38 лет назад. У меня могут быть только взрослые дети! А мне пишут 25-летние, 26-летние и так далее?

— Потому что я замораживал вашу сперму, экспериментировал с первым биоматериалом, искал! А вы чем недовольны, уважаемый? Что вас нашли ваши дети?

Арутюнян почти визжал. Кирилл Михайлович перебил его:

— А как же медицинская тайна?

Доктор зло бросил указку на стол, сел, захлопнув диссертацию:

— Судиться хотите? Ничего не выйдет... Я выгнал тогда юриста, и помню, что сам правил первый договор. Там есть пункт, что я могу сообщать рождённым от вас детям и другим родственникам по их требованию любую информацию о вашем донорстве, с указанием вашего имени и возраста. Вы подписывали этот договор. Ваши родные дети против? Не готовы к братьям и сестрам из пробирки? Стыдятся отца-донора? Молодая жена узнала и выгнала из дома?

— Нет у меня ни родных детей, ни жены.

— Так чем вы недовольны? И как вас нашли, я никому ваш адрес не сообщал!

— Меня нашли по ДНК-тесту, через какой-то сайт поиска родственников!

— Тогда ко мне какие претензии? Я тесты ДНК не провожу, информацию на сайтах не размещаю!

Он гневно посмотрел на Самарина:

— И вообще радовались бы, что хоть на старости лет стали наконец-то отцом. Почти отцом-героем! Целых 20 детей! Это — не шутка, а проведение Господне.

— Мне написало пока 19, видимо надо ожидать еще письма.... Все просят встречи с биологическим отцом.

— Серьёзно? Кто же из них? - спросил Арутюнян,махнув рукой. - В моей базе есть все: от первой женщины, зачавшей от вашего биоматериала, до последней! Я вообще пере-

писывался с ними лет двадцать. Первая роженица, как сейчас помню, написала мне, что родила дочку. Светочку по-моему. Как она пошла в детский садик, потом в школу. У вас сердце все эти 38 лет не екало? Что где-то живет ваше семя, развивается, растет...

— А кто она? Хотя... Какая уже разница!

Кирилл Михайлович решительно двинулся к двери. Информация, вываленная на него доктором Арутюняном, осела тяжелым грузом на плечах, придавив его посильнее, чем известие о смертельном диагнозе - неоперабельной саркоме, озвученный ему месяц назад в поликлинике. Но Арам Аванесович продолжал его добивать:

— Кто она, та самая первая? Вы не поверите... Она жила в Москве в общежитии, залетела от какого-то прощелыги, по-моему, однокурсника. Тот сбежал от нее, и она решилась на аборт. Когда врачи объявили ей о полной невозможности забеременеть еще раз, она долго рыдала, а потом нашла меня по объявлению и решилась на искусственное зачатие. Мы ее оплодотворили вашим семенем, как раз после защиты диплома, потом она уехала к себе: счастливая и беременная.

— Куда? — уже в дверях равнодушно спросил Самарин.

Арутюнян подошел быстрым шагом к двери, сделал жест Кириллу Михайловичу «на выход и произнес:

— В Авдеевку, на Украину. Она — учительницей числилась по диплому, поехала преподавать и рожать. Я когда смотрю сейчас страшные новости по телевизору про Авде-

евку, все время вспоминаю ее, и ее дочь Светочку. Не уверен, что они живы. А она не писала?

Оглушенный новостью Самарин отрицательно покачал головой. Арутюнян выставил Кирилла Михайловича за дверь окончательно, хлопнув ею перед самым носом. Сказать, что Самарина с головой накрыла тягучая тоска, — ничего не сказать. Он на ватных ногах прошел мимо секретарши доктора, опираясь на свою палку, дошел до выхода, машинально передвигая ногами, прошел по солнечному летнему Арбату до своей антикварной лавки, открыл дверь и застыл, уставившись на молчаливую Лакшми:

— Ты почему не дала мне знак, безмозглая ты индийская кукла?! Идиотка бронзовая! Ты почему промолчала о детях и об этой Свете, черт бы тебя драл?! Она- номер 20?

Он почти кричал, но потом опомнился, быстро прошел внутрь, вытащил серьги и кольцо с фианитом, купленные у странной Светы из Авдеевки. Неужели это его дочь приехала в Москву, дошла до его античного царства и сдала свои украшения? Почему он ее даже не рассмотрел? Он сел на стул и стал неподвижно смотреть на стеклянную дверь. Так прошел один день, второй, третий. Света не приходила, и письма больше не приходили. Он совсем отчаялся увидеть ее, но когда опять зазвенел колокольчик и вошла эта странная учительница из Авдеевки, он почему-то совсем не удивился. Она опять надела свой дешевый плащ и странный платок. Ее лицо, черные брови, сросшиеся на переносице, совсем как

у его мамы Любы, угольки черных глаз, совсем как у него, кудрявые, непослушные, рыжие локоны, видимо, в ее мать, нервные, тонкие пальцы. Без сомнения, она — его кровь, но почему Света ни в чем не призналась? Очевидно, что посетительница его лавки из Авдеевки появилась в магазине «Антиквар» неслучайно. Кирилл Михайлович с минуту размышлял, не признаться ли во всем, но Света молча сняла цепочку со своей шеи, отцепила крестик и смущённо сказала:

— Здравствуйте! Вы меня так выручили прошлый раз. Может быть, и цепочку возьмете? Она — старинная, то же мамина, из серебра (тихо). Крестик я оставлю себе.

Кирилл Михайлович сделал вид, что рассматривает в лупу пробу на серебре, а Света продолжала:

— Прочла книгу, спасибо! Вспомнила маму. Действительно именно ее она читала мне в детстве, а потом я сама прочла. Любимая книга!

— Да, вы уже говорили...

Кирилл Михайлович произносил слова сдержанно. Тайна прорывалась из него, билась признанием во рту, но почему-то он промолчал, вытащил пачку денег, несусветную сумму за дешевую, ничем непримечательную вещь и пробурчал:

— Хорошая вещица, беру... (после паузы, отдавая деньги Свете) А о чем книга? Признаюсь, я ее даже не открывал. О добром отце?

Голос его дрогнул, а Света, не поднимая глаз, положила деньги в карман и ответила:

— О непростых отношениях отца и дочери.

Кирилл Михайлович посмотрел на нее пристально:

— А у вас были непростые отношения с отцом?

— Вовсе нет... У меня просто его никогда не было.

Они коротко встретились глазами, что-то произошло между ними, еще секунда, и все бы прояснилось, но Света вдруг развернулась и пошла на выход, бросив от двери:

— Спасибо вам еще раз за деньги! Пойду.

Она махнула рукой и вышла за дверь. Самарин взял в руки цепочку. Она еще хранила тепло ее шеи, он крутил ее в руках, размышляя, потом накиннул на шею Лакшми и решительно направился к двери. Но нет - не догонять Свету из Авдеевки. Решение к нему пришло очень быстро. Он отправился к нотариусу, чтобы составить завешание. Теперь Кирилл Михайлович Самарин не боялся умирать.

Ровно через год после дня его рождения, в индийском ресторане «Дели» накрыли на стол. Он стоял там же, где и в 60-летие Самарина, только места вокруг него оказались заняты все — 19 мест. На двадцатый пустой стул сел официант Андрей и, сняв феску, спросил:

— Кто в этом году будет задувать свечи?

Он махнул на стоящий торт с цифрой из крема: 61. А тот покосился на единственный пустой стул во главе стола, на котором год назад восседал в одиночестве Самарин. Рядом с пустым стулом сидела учительница из Авдеевки Света. Она задумчиво смотрела на 61 свечу и бронзовую стату-

этку Лакшми по соседству. На нее же смотрел и 18-летний парень с кудрявыми черными волосами, чем-то похожий на Кирилла Михайловича в юности. Он сидел рядом со Светой и произнес:

— Хотите я задую?

Света махнула на него рукой:

— Молчи, Прохор! Из-за твоего письма, вероятно, и не стало Кирилла Михайловича, сердце не выдержало новостей, что ты - его сын!

— Ну, уж... Это же радостные новости, — возразил Прохор Лялин, или уже Самарин, никто уже не понимал.

— А кто задувал год назад? — спросила медсестра Люся, она сидела чуть дальше от торта.

— Сам Самарин, — ответил официант Андрей и добавил. — А про задувание свечей на торте никаких указаний в завещании не было?

— Ничего... Это твоя была инициатива собраться здесь и помянуть папу, — вмешался в разговор курьер Антон.

— В прошлый раз я всучил ему торт от себя, он, правда, заплатил.

Уборщица Аня захлопала носом, ей стало жалко Кирилла Михайловича. Он умер всего полгода назад, и именно она забила тревогу, не достучавшись и не позвонившись до хозяина, потом к ней присоединилась медсестра Людочка. Они вызвали полицию и взломали дверь, обнаружив Самарина, лежащего на полу с Лакшми в руках.

— Хороший он был человек, меня не обижал, — добавила Анна, которую покойный Кирилл Михайлович гонял по своей квартире с тряпкой в руках. - И я наверное фамилию сменю, на Самарина. Можно ведь?

- И я, - сказала Люся.

- И я, - поднял руку Прохор, а за ним и остальные гости.

- А я не знаю, - промолвила Света, которая не поднимала руку вместе со всеми. - Хороший ли он был человек, знает, только Лакшми, она все время была с ним... Правда, Лакшмм?

Все воззрились на индийскую богиню. Света вдруг встала. Она оказалась старшей среди этих так называемых братьев и сестер. За столом индийского ресторана «Дели» собрались все 20 детей «из пробирки», чтобы помянуть своего биологического отца: Самарина Кирилла Михайловича. Света вздохнула:

— Пусть земля будет пухом! Спасибо ему за все. По-моему, он никого не обделил и всех вписал в свое завещание, разделив квартиру и офис... Все вещи из магазина «Антиквар», которые так любил при жизни Кирилл Михайлович, мы должны разделить между собой...

— А кому досталась Лакшми? — спросил дотошный Прохор.

— Я заберу ее себе. Говорят, она приносит удачу!

Света взяла ее в руки, прижала к груди и вдруг тоже захлопала носом:

— Простите, мне что-то нехорошо... Я вас, наверное, покину...

Народ приступил к еде, а Света, подхватив свой плащ из гардероба, тихо вышла из ресторана на свежий воздух. Она шла по Арбату быстрым шагом, слезы душили ее, а в бок стучала книжка. Все тот же Голявкин про отцов и дочерей. Она сунула эту книгу во внутренний карман плаща и совсем о ней забыла. Ей почему-то стало неприятно, она представила, как опять откроет ее, будет листать, пытаясь вникнуть в суть родственных отношений героев. Книга «Мой добрый папа» нужна была ей лишь как повод поговорить с отцом, с человеком, которого она никогда не знала и которого смогла рассмотреть только перед его смертью. Сейчас книга жгла ей бок! Света шла все быстрее и быстрее и вскоре оказалась на Большом каменном мосту. Она остановилась, и ветер растрепал ее кудрявые, рыжие волосы. Слезы капали из ее глаз. Книжка еще раз больно ударила в бок. Она вдруг вытащила ее и начала отчаянно рвать, выдирая страницы. Лакшми мешала ей, а потом и вовсе выскользнула из рук. Света охнула, но случилось непоправимое. Статуэтка медленно, сверкая бронзой в последнем луче солнца, летела в воду, будто в замедленной съемке фильма про чью-то чужую жизнь. Луч вдруг спрятался за тучей. А в момент, когда Лакшми достигла воды Москвы-реки, гроыхнуло, сверкнула молния и хлынул проливной, «слепой» дождь, окатив Свету холодной водой с ног до головы. И она стояла, рыдая, не двигаясь с ме-

ста, и слезы мешались с каплями дождя. В какой-то момент стало непонятно, кто плачет навзрыд по ушедшему из жизни Самарину Кириллу Михайловичу: его дочь, рождённая с помощью искусственного оплодотворения, или сама природа? Лакшми с шумом плюхнулась в воду и стала медленно опускаться на дно. Достигнув песка, она мягко закопалась в его объятия. Богиня удачи больше не могла никому и ни в чем помочь. Так закончился ее век. Ибо, как сказала сама богиня при жизни: *«Я всегда живу с теми людьми, которые ведут праведную жизнь, и со мной приходят праведность, ист*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.